№ 8. „Про

Наши фабрики и заводы.

ФАБРИКА МАКСВЕЛЯ.

Изданіе С. Петербургскаго „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“.

1899

Типографія „Рабочей Мысли“.

Отъ ред. „Рабочей Мысли".

Корреспонденціи съ фабрики Максвеля мы выпускаемъ также отдѣльной брошюрой. Только одну изъ нихъ (— „Бой за правду". Подписано: Фраза —) мы не рѣшились печатать, такъ какъ полиція могла бы свѣдѣніями, взятыми изъ этой корреспонденціи, воспользоваться во вредъ рабочимъ.

И въ этихъ корреспонденціяхъ, какъ и въ корреспонденціяхъ съ фабрики Паля, есть противорѣчія; избѣжать ихъ не возможно.

Замѣтка — письмо одного рабочаго въ концѣ брошюры даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, какіе рабочіе и откуда работаютъ у Максвеля.

Мы надѣемся, что наши товарищи доставятъ также полно свѣдѣнія и о другихъ фабрикахъ и заводахъ. Пособіемъ при этомъ могутъ служить изданные нами „вопросы для собиранія свѣдѣній о положеніи рабочаго класса".

№ 8
„Пров 38“

Наши фабрики и заводы.

ФАБРИКА МАКСВЕЛЯ.

Изданіе С. Петербургскаго „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“.

1899

Типографія „Рабочей Мысли“.

2-й экз

102150

Фабрика Максвеля.

Условія работы и декабрская стачка.

Нельзя сказать, чтобы рабочіе Максвельскихъ фабрикъ были заранѣе подготовлены къ стачкѣ. Это можно заключить изъ того, что во время стачки рабочіе не требовали себѣ дальнѣйшихъ улучшеній того условія, по которому они работали до того времени, а напротивъ они только заявляли о невозможности продолжать долѣе свои работы, потому что ихъ стали очень притѣснять. Вотъ эти притѣсненія: фабрикантъ сталъ пускать до невозможности плохую пряжу и спрашивать чистоту товара (я буду говорить о ткацкой работѣ, потому что я съ ней болѣе знакома, чѣмъ съ другими работами). Ткацкія основы производятся изъ этой плохой пряжи и ихъ совсѣмъ невозможно работать. Работая такія основы, ткачъ не успѣваетъ управиться съ работой и услѣдить за чистотою товара, т. е. не можетъ сработать такъ, чтобы не было порчи. За порчу товара стараются усиленно штрафовать рабочаго, хотя бы эта порча была сдѣлана и не по винѣ ткача. И такъ ткача вызываютъ въ контору изъ-за самой ничтожной порчи, которая почти и не замѣтна для глаза и за каждый кусокъ (кускомъ называется опредѣленное количество аршинъ сработаннаго товара, и ткачъ работаетъ съ куска, т. е. поштучно), который окажется забракованъ, рабочаго штрафуютъ. Но пишутъ штрафъ не такъ, чтобы сразу поставить большое количество, а такъ напр., копеекъ 30, 25, 20, 15, 10 и 5, но стараются вызывать къ браку какъ можно чаще. Затѣмъ набавляютъ длину куска, т. е. сверхъ условленной длины (60 арш. по ихъ мѣрѣ) ткачъ срабатываетъ большее число аршинъ и работаетъ за ту же цѣну, которая объусловлена за ку-

сокъ въ 60 арш. Но самое важное это то, что самымъ хитростнымъ образомъ заставляютъ рабочихъ работать за низкую плату, какъ бы согласующуюся по даннымъ разцѣнкамъ товара, а между тѣмъ совсѣмъ противорѣчащую имъ. — Все это дѣлается благодаря двумъ фабрикамъ, а именно: въ обѣихъ фабрикахъ работается, напр. одинъ и тотъ же товаръ, но разцѣнки ихъ разные, (это продѣлывается со всѣми сортами товара). На Спасской фабрикѣ работаютъ этотъ товаръ за 55 коп., а въ Петровской за 50. Другой товаръ въ Петровской за 45, а въ Спасской за 40. И такъ въ Спасской фабрикѣ какъ бы прекращаютъ работать тотъ товаръ, который работаютъ за 55 к., но его вовсе не прекращаютъ, а вводятъ въ Петровскую, гдѣ онъ работается за 50 к., въ Петровской же прекращаютъ тотъ, который работается за 45 и вводятъ въ Спасскую, гдѣ онъ работается за 40 к. Продѣлывая такую вещь разцѣнокъ сводятъ на самый низкій.

Затѣмъ спрашиваютъ большую чистоту машинъ по субботамъ, тогда какъ на обметку дается сразу только четверть часа; а въ четверть часа не успѣваешь хорошо обмести и одного станка (машины), а у ткача ихъ два, т. е. двѣ машины. Рабочіе даже не стали по субботамъ ходить домой обѣдать и это обѣденное время тратятъ на чистку машинъ, но фабричному начальству и этого кажется мало; оно все же находитъ придирки къ нечистотѣ, и за это штрафуетъ рабочаго или разсчитываетъ совсѣмъ. Затѣмъ не даютъ рабочему увольненій, когда не случится „лишнихъ“*), хотя бы у рабочаго и очень важныя были причины, какъ напр. у матери больной ребенокъ, или отцу нужно женить сына и т. п., — все равно говорятъ: „лишнихъ нѣтъ“. А то просто по своимъ собственнымъ капризамъ не захотятъ отпустить, да и только.

Работа при такихъ условіяхъ и вызвала, какъ я уже сказала, вспышку, потому что даже каждый самый нераз-

*) Лишніе — это запасные рабочіе, которые замѣняютъ на время тѣхъ рабочихъ, которые увольняются на нѣкоторое время по своимъ какимъ либо дѣламъ.

витой рабочій понялъ свое невыносимое положеніе и только стоило одному рабочему остановить свои машины и свиснуть, какъ за нимъ всѣ послѣдовали охотно. Но какъ уже извѣстно, рабочіе ничего не получили изъ требуемаго ими, и въ настоящее время продолжаютъ работать на выше описанныхъ условіяхъ. Кромѣ того теперь еще стали спрашивать хорошую выработку, а у кого окажется выработка очень мала, того разсчитываютъ.

Максвелевскіе рабочіе и до сихъ поръ не могутъ оправиться отъ декабрскаго погрома.

1898 г. 14 декабря. Первые начали ткачи Петровской фабрики въ два часа; ихъ заперли и не пускаютъ къ намъ; они стояли все время. Послѣ со Спасской фабрики пришли и къ намъ (на Петровскую) и бросились прямо къ ткачамъ, а потомъ пришли къ намъ и остановили у насъ. Мы стали выходить изъ фабрики, а сторожъ запираетъ ворота за нами. Народъ разсердился и давай сторожу накладывать. Весь народъ собрался къ Спасской фабрикѣ и давай кричать на пристава, чтобы вызвалъ инспектора. Приставъ пошелъ въ контору. Мы глядимъ выходитъ старшій инспекторъ Рыковскій. Сталъ говорить народу: — „что вы, господа, хотите?“ Тутъ народъ говоритъ: давай: „въ 7 часовъ утра на работу и до 7 часовъ вечера“, и (чтобы прибавить) на миткаль двѣ копейки (вмѣсто 48 копеекъ —, что бы было 50 коп.), а то совсѣмъ мало, на пропитаніе не хватаетъ. Мюльный комплектъ требовалъ, чтобы прибавить заднимъ мальчикамъ — (было 55 к. день). Прежде стояли колеса 38 и 39, а теперь стоятъ 35 и 36 колеса; совсѣмъ выработка нѣтъ.

Мастеръ спрашиваетъ, чтобы была выработка; теперь вырабатываемъ 7 пудовъ, а раньше работали 9 и 8 пудовъ.

Народъ давай говорить: „подмастерья не надо; мастера Московскаго не надо; директора тоже не надо“. Рыковскій сказалъ: „что вы требуете, ничего не будетъ. А какъ работали (по старому), такъ и будетъ. Я вамъ

совѣтую итти работать". Народъ сказалъ: „что мы хотимъ, то и будетъ. Не тотъ разъ, такъ этотъ разъ; что нибудь, да будетъ!"

— — — — — — — — — — — — — —

(Дальше въ корреспонденціи слѣдуютъ безсвязные обрывки).

Въ понедѣльникъ 14-го декабря на фабрикѣ Максвеля (собственно двѣ фабрики — Петровская и Спасская) съ утра между рабочими распространились листки за подписью „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса". Благодаря назрѣвшему за послѣднее время неудовольствію среди рабочихъ, появленія этихъ листковъ было достаточно, чтобы положить начало стачкѣ. Послѣ обычнаго обѣденнаго перерыва — отъ 12-ти до 2-хъ часовъ дня — на работу не вернулся ни одинъ изъ числа болѣе, чѣмъ 3-хъ тысячъ рабочихъ. Въ тотъ же день вечеромъ забастовали рабочіе фабрики Паля: тамъ ночная смѣна ткачей, придя въ 5 часовъ вечера, проработала только до 10-ти, а затѣмъ разсыпалась по всей фабрикѣ, уговаривая и другихъ оставить работу.

Съ утра 15-го декабря все ткацкое отдѣленіе фабрики Паля, около 1000 человѣкъ, забастовало, ситценабивное же отдѣленіе продолжало работать! Утромъ 15-го числа среди Полевскихъ и Максвелевскихъ рабочихъ были распространены два новыхъ листка за тою же подписью, въ которыхъ убѣждали рабочихъ держаться стойко и дружно добиваться своего. Съ перваго же дня забастовки фабричные инспектора вели переговоры съ рабочими, во время которыхъ рабочіе ясно и опредѣленно выставили свои требованія; въ числѣ требованій было также громко заявлено требованіе, чтобы не арестовали за стачки — и отнюдь не соглашались на уговариванія фабричной администраціи — сдаться и идти работать.

Такъ продолжалось три дня. Въ среду 16-го дек. вездѣ были расклеены объявленія градоначальника въ которыхъ требовалось, чтобъ рабочіе вышли на работу 17-го утромъ; въ противномъ случаѣ градоначальникъ грозилъ высылкой.

Тѣмъ временемъ всемогущая полиція успѣла принять свои мѣры: весь Шлиссельбургскій трактъ былъ переполненъ полицейскими и жандармами конными и пѣшими и сыщиками; вся мѣстность приняла совершенно боевой характеръ.*) Начались повальные аресты всѣхъ рабочихъ, извѣстныхъ полиціи или фабрикантамъ. Въ 1-ую и 2-ую ночь было арестовано около 200 человѣкъ. Но и этого показалось мало. Очевидно правительство не разсчитывало даже и такимъ способомъ ослабить твердость рабочихъ. Поэтому рѣшено было взять рабочихъ голодомъ. Всѣ лавки со съѣстными припасами, всѣ кухмистерскія и т. п. были закрыты по распоряженію полиціи, такъ что рабочіе, даже имѣвшіе еще деньги — (максвелевскіе забастовали послѣ 2-хъ недѣльной получки), принуждены были буквально голодать послѣдніе два дня. Наконецъ въ ночь съ 16-го на 17-ое разыгралась страшная драма, которая какъ нельзя болѣе ярко показала рабочимъ, чего можно ждать отъ правительства. Ночью со среды на четвергъ къ казармѣ при фабрикѣ Максвеля, гдѣ жило около 800 человѣкъ рабочихъ, явилась полиція, чтобы продолжать аресты намѣченныхъ лицъ. Но къ величайтему изумленію всѣхъ приставовъ и помощниковъ приставовъ казарма оказалась запертой изнутри и двери не были открыты, несмотря на требованія и угрозы полиціи. Тогда вызвано было подкрѣпленіе — нѣсколько отрядовъ полицейскихъ и началась правильная осада.

Однако осажденные не сдавались, а пустили въ ходъ все имѣвшееся у нихъ въ рукахъ оружіе: бросали изъ оконъ полѣнья дровъ, доски, стамески и другіе инструменты, лили ведрами кипятокъ. Помогали и женщины и дѣти. Все это летѣло на головы полицейскимъ, изъ которыхъ 8 было ранено. Даже самъ помощникъ пристава получилъ ударъ полѣномъ въ животъ. Не смотря однако на отчаянную защиту осажденныхъ, дверь было взломана и полиція проникла таки въ казармы. Тамъ всѣ огни были потушены и рабочіе притворились спящими.

*) Тогда какъ рабочіе мирно проводили время.

Тогда началась возмутительная, дикая расправа полицейскихъ.

Они колотили всѣхъ безъ разбору нагайками, шашками въ ножнахъ и чѣмъ попало, стаскивали съ постелей и тащили внизъ по лѣстницамъ; женщинъ сѣкли . . .

Болѣе 80 человѣкъ рабочихъ оказалось совершенно изранено: у иныхъ переломлены ноги, у другихъ пробиты глаза, оторваны куски мяса и т. п . . . .

Волосы дыбомъ становятся, когда слышишь, какъ производилась расправа. Изъ 800 человѣкъ полиція отобрала 200 человѣкъ по указанію фабричной администраціи и арестовала ихъ, чтобы затѣмъ предать суду за сопротивленіе властямъ. Утромъ оставшихся рабочихъ нагайками гнали на фабрику. Измученные 2-хъ дневнымъ голодомъ и хозяйничаньемъ полиціи, избитые и лишенные поддержки наиболѣе энергичныхъ товарищей, рабочіе 17-го утромъ стали на работу.

Будутъ ли сдѣланы какія нибудь уступку и когда — неизвѣстно. Говорятъ, что хозяева Петровской и Спасской фабрикъ думали было сдѣлать уступки, но по приказанію министра, измѣнили свое намѣреніе. Но рабочіе не падаютъ духомъ и теперь. То единодушіе, съ какимъ дѣйствовало болѣе 4000 человѣкъ, та выдержка и стойкость, какую проявили они въ теченіи 3-хъ дней, говорятъ за то, что борьба отсрочена на короткое время. Рабочихъ сломила не сила даже, а грубое насиліе и дикій произволъ нашего правительства. Оно само лучше всякихъ книгъ, учитъ рабочихъ на опытѣ, кто ихъ враги, оно само открываетъ рабочимъ глаза на необходимость борьбы не только съ капиталистами, а и съ абсолютнымъ правительствомъ; пусть эта стачка кончилась даже полнѣйшей неудачей, — она многому научила рабочихъ и они все настойчивѣе и энергичнѣе будутъ бороться. Число пострадавшихъ въ время этой стачки превышаетъ 400 человѣкъ.

Изъ нихъ болѣе 100 человѣкъ высланы изъ Петербурга и около 80 человѣкъ попало въ больницы.

Съ 29-го по 31-ое марта разбиралось въ С. Петербургской Судебной Палатѣ дѣло о сопротивленіи властямъ 15-ти рабочихъ Петровско-Спасской бумагопрядильной мануфактуры (Максвеля). Дѣло это быть можетъ, является однимъ изъ самыхъ характерныхъ для переживаемаго Россіей періода полицейскаго режима, ярко освѣщающимъ не только отношеніе администраціи къ 2-мъ борющимся сторонамъ, но и показывающимъ, чѣмъ является реформированный судъ, измѣненный законами Александра III.

Дѣло происходило такъ.

Уже въ началѣ ноября 1898 года условія работы на Петровско-Спасской мануфактурѣ такъ ухудшились, что рабочіе вынуждены были обратиться къ фабричной инспекціи съ протестомъ противъ всякаго рода притѣсненій и обмановъ со стороны фабричной администраціи. Они указывали на пониженіе разцѣнокъ, на увеличившуюся напряженность труда, вслѣдствіе введенія новыхъ машинъ, на гнилую пряжу и штрафы за происходящую отъ этого порчу выработанной матеріи, на взяточничество и дурное обращеніе мастеровъ (особенно съ женщинами), на простой станковъ и, наконецъ на прямое обсчитываніе, — такъ, нитку отпускали длиною въ 80 аршинъ, а плата шла за кусокъ какъ-бы въ 60 арш. Эти заявленія рабочихъ были, признаны правильными и фабричной инспекціей, но никакого измѣненія въ веденіи дѣла не послѣдовало. Такъ дѣло тянулось до половины декабря, когда наконецъ рабочіе рѣшили забастовкой добиться исполненія своихъ требованій. 13-го были выпущены листки Петербургскаго „Союза“ съ формулированными въ нихъ требованіями рабочихъ. Стачка началась съ слѣдующаго дня (понедѣльникъ, 14 дек.) и отличалась той-же выдержанностью и спокойствіемъ, которыя такъ поразили петербургскую администрацію въ 96 г. Но полиція теперь уже не растерялась, какъ прежде, — у ней уже былъ выработанный способъ борьбы со стачечниками, способъ этотъ — провокаторство. Этотъ способъ былъ примѣненъ съ особенною ревностью приставомъ Шлиссельбургскаго подгороднаго участка, Барачомъ, человѣкомъ свободнымъ отъ всякихъ

понятій о чести и стыдѣ. Къ тому-же Барачъ получалъ второе жалованье отъ мѣстныхъ фабрикантовъ въ складчину, а при каждой стачкѣ, кромѣ того, особую взятку. Такъ и теперь онъ явился къ управляющему фабрикой Ферветтеру съ желаніемъ получить за содѣйствіе къ начатію работъ на фабрикѣ 2000 рубл.; — сторговались на 600. Ошибочно, впрочемъ, было-бы думать, что вся послѣдующая дѣятельность полиціи была обусловлена только подобрыми подачками провокаторства; стремленіе обострить всякое волненіе и довести его по возможности до открытаго столкновенія съ войсками или полиціей составляетъ видный пунктъ въ программѣ Министерства Внутр. Дѣлъ. Это доказала и студенческая исторія и рядъ движеній на фабрикахъ. Дѣло въ томъ, что теперь въ Россіи все зависитъ отъ соотношенія министерскихъ и придворныхъ интригъ. Министръ Внут. Д. Горемыкинъ чувствуетъ себя очень некрѣпкимъ и можетъ удержаться на своемъ посту лишь, „постоянно спасая драгоцѣнную жизнь государя отъ смертельной опасности и Россію отъ ужасовъ революціи“. Этотъ образъ дѣйствій дѣлаетъ его и жандармовъ незамѣнимыми, и администрація всѣми силами стремится доказать, что произволъ ихъ дѣйствій прямо необходимъ и спасителенъ. По этой системѣ и началъ дѣйствовать Барачъ. Онъ приложилъ всѣ силы, чтобы озлобить населеніе: начались произвольные ночные аресты рабочихъ и высылка ихъ изъ Петербурга на родину. Достаточно было по требованію фабричнаго инспектора явиться къ нему для объясненія и отвѣчать ему на вопросы, чтобы быть въ послѣдующую ночь арестованнымъ. „А, ты умѣешь разговаривать!“ говорилъ Барачъ, встрѣчая арестованнаго. Вотъ 2 факта, характеризующихъ образъ дѣйствій полиціи. Одинъ изъ рабочихъ, обращаясь къ кучкѣ товарищей, звалъ ихъ идти разгромить фабрику, ругая начальство, и богохульствовалъ, а подъ конецъ плюнулъ на икону, вдѣланную въ стѣнѣ фабрики. Возмущенные этимъ рабочіе схватили его и привели въ контору. Администрація разсчитала его, но черезъ 1 дня приняла обратно, получивъ извѣщеніе отъ начальника Петербург. охраннаго отдѣленія,

Пирамидова, что онъ состоитъ агентомъ сыскной полиціи. Другой сыщикъ при ссорѣ съ 2-мя рабочими выхватилъ ножъ и нанесъ имъ раны своимъ противникамъ. По увѣдомленію Пирамидова онъ былъ оставленъ на фабрикѣ и противъ обоихъ преступниковъ не было возбуждено никакого преслѣдованія. Такъ шло дѣло: рабочихъ высылали, сыщики и полиція доходили до послѣднихъ предѣловъ наглости. Градоначальникъ вывѣсилъ объявленіе, приглашавшее забастовавшихъ начать работы съ 17 числа.

Такъ какъ одновременно съ этимъ съѣстныя лавки были закрыты, а фабричная инспекція обѣщала настоять на отмѣнѣ нѣкоторыхъ злоупотребленій, то рабочіе рѣшили начать работу съ 17-го. 15 числа одинъ изъ фабричныхъ, 19-ти лѣтній парень, подрался съ сыщикомъ Васильевымъ и былъ задержанъ полиціей. Когда онъ былъ доставленъ въ участокъ, то Барачъ собственноручно избилъ его, допрашивая о соучастникахъ. Подъ вліяніемъ побоевъ тотъ оговорилъ первыхъ пришедшихъ ему на умъ рабочихъ (8 чел.), которыхъ рѣшено было арестовать въ ночь на 16, не стѣсняясь, конечно, закономъ. Съ вечера рабочіе, жившіе въ общежитіи для женатыхъ (на 800 ч.) при фабрикѣ, замѣтили, что собаки, находившіяся при ихъ казармѣ, были заперты въ сарай. Это показало имъ, что и сегодня, несмотря на рѣшеніе возобновить работы, никто не можетъ быть спокоенъ, что снова готовится нашествіе полиціи.

Поэтому нѣкоторые изъ нихъ не спали и какъ только явилась полиція, въ числѣ человѣкъ 10, толпой спустились къ управляющему домомъ (тоже сыщику) Лисицыну и просили его, чтобы онъ уговорилъ полицію не безпокоить ихъ ночью (въ каждой комнатѣ дома помѣщается по три семьи), а приходить, какъ требуетъ законъ, днемъ. Полицейскіе побоялись образовавшейся толпы и ушли. Барачъ тотчасъ-же понялъ, что настала одна изъ удобныхъ минутъ для выполненія плана: онъ собираетъ мѣстныя силы полиціи и по телефону докладываетъ градоначальнику о происшедшемъ. Ему дается знать, что сейчасъ-же отправляются изъ Петербурга конные полицейскіе и жандармы.

Часа черезъ 2 всѣ силы полиціи, около 500 чел., были сосредоточены въ 50 саж. отъ общежитія, а ихъ начальники держали совѣтъ. На совѣтѣ присутствовали: полиціймейстеръ 3-го отдѣленія С. Петер., Полибинъ, офицеръ полицейскаго резерва, Галле, впослѣдствіи прославившійся еще болѣе избіеніемъ студентовъ и приставъ Барачъ, — люди все рѣшительные и беззастѣнчиво выполняющіе общую программу полиціи. Къ тому-же большинство полицейскихъ чиновъ состоитъ изъ выгнанныхъ за разныя продѣлки офицеровъ, которые, переходя въ полицію, сохраняютъ свое боевое настроеніе. И такъ совѣтъ рѣшилъ: усмирить рабочихъ во что бы то ни стало и взять домъ приступомъ, такъ какъ толпа высыпала на крыльцо и говорила, что не пуститъ полицію въ домъ. Рабочіе при приближеніи полиціи ушли внутрь дома и заперли двери. Полиція выломала ихъ и ворвалась на лѣстницу. На лѣстницѣ стояли рабочіе; нѣкоторые изъ нихъ стали кидать въ нападавшихъ полѣньями. До рукопашной однако, не дошло, такъ какъ съ поднятіемъ полицейскихъ по лѣстницѣ, рабочіе нижнихъ этажей разбѣгались по своимъ камерамъ и запирались на ключъ. Полиція поднималась, держа впереди сорванныя съ петелъ двери; у нѣкоторыхъ были въ рукахъ обнаженныя шашки. Занимая такимъ образомъ этажъ за этажемъ, полицейскіе разстановились по всѣму дому въ видѣ часовыхъ у каждой двери. Затѣмъ Барачъ и Полибинъ стали обходить всѣ камеры, повѣряя наличность рабочихъ. Съ ними шелъ сыщикъ Лисицынъ, указывавшій имъ, кого слѣдуетъ забрать, какъ людей вообще неспокойныхъ. Такимъ образомъ всѣ, кто имѣлъ когда-либо столкновеніе съ сыщиками или полиціей, оказались въ числѣ кидавшихъ полѣнья и были обвинены въ открытомъ сопротивленіи властямъ. При арестованіи полиція не церемонилась: схватывали больныхъ съ кровати, не смотря на очевидную невозможность для нихъ принимать какое-либо участіе въ безпорядкахъ. Но мелкая и жестокая мстительность и привычка къ произволу не могли остановиться только на этомъ. Внизу, внѣ казармы общежитія, были разставлены конные городовые и жандармы въ два ряда съ

нагайками въ рукахъ. Уже въ корридорѣ начинали бить арестованнаго ведшіе его. Съ лѣстницы неслись крики: „ой убили! отпустите душу на покаяніе!“ и пр. Самъ приставъ при арестѣ кого-либо говорилъ: „Принять его хорошенько! Рубите ихъ, какъ капусту!“ и пр. А въ отвѣтъ на мольбы женъ и плачъ дѣтей злорадно добавлялъ: „ничего, тамъ внизу еще прибавятъ!“ „Мы давно вамъ дорожку въ сибирь приготовили“, говорилъ полицмейстеръ Полибинъ. Внизу каждаго арестованнаго проводили сквозь строй. Нагайки были съ пульками на концахъ и дѣйствіе ихъ было таково, что у многихъ рабочихъ тулупы были изобраны въ клочки. Спины и головы многихъ представляли на другой день сплошной струпъ. Многіе теряли сознаніе; ихъ временно оставляли въ покоѣ, а потомъ опять били. Въ иныхъ случаяхъ бившіе предупреждали остальныхъ: „этого довольно: еле дышетъ“. Озвѣреніе полицейскихъ отчасти объясняется опьяненіемъ, такъ какъ администрація фабрики предварительно щедро угостила ихъ водкой. Многіе изъ арестованныхъ рабочихъ, доставленные затѣмъ въ Рождественскую часть, не могли двигаться и лежали пластами по нѣсколько дней. Рубцы и раны не заживали спустя слишкомъ 1½ мѣсяца. У многихъ были выбиты зубы, поврежденъ слухъ, у одного — зрѣніе, у другого — сломано ребро, 1½ мѣсяца къ арестованнымъ не пускали никого изъ родныхъ: ждали, чтобы они приняли болѣе нормальный видъ. А тѣмъ временемъ велось слѣдствіе. Всего было арестовано около 50 чел. Но какъ ни старались, привлечь къ суду не удалось болѣе 15 чел. И это не смотря на то, что слѣдствіе и предварительное и судебное обратилось въ сплошную комедію. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, Зайцевъ, записывалъ главнымъ образомъ показанія полиціи и сыщиковъ, а показанія о побояхъ, причиненныхъ полиціей вовсе не записывалъ. Сама Палата начала съ того, что отказала защитѣ въ вызовѣ важнѣйшихъ свидѣтелей. Она не вызвала ни градоначальника Клейгельса, ни фабричнаго инспектора, ни докторовъ, никого, кто могъ быть почему-либо непріятенъ полиціи. Отказано было даже въ свидѣ-

теляхъ, могшихъ установить alibi (отсутствіе) обиняемаго. 29 марта было объявлено, что двери засѣданія закрываются по ордеру министра юстиціи. Палата перестаралась до того, что даже не допустила законныхъ и при закрытыхъ дверяхъ трехъ человѣкъ со стороны каждаго подсудимаго. Не пускали ни присяжныхъ повѣренныхъ, ни членовъ суда. За то былъ впущенъ чиновникъ особыхъ порученій при Градоначальникѣ, который чувствовалъ себя на столько господиномъ положенія, что даже ходилъ безъ доклада къ предсѣдателю въ комнату для совѣщаній судей. Затѣмъ начался допросъ свидѣтелей, при которомъ предсѣдатель Дитрихъ дѣлалъ все возможное для скрытія истины и приданія показанію свидѣтелей желательнаго для него смысла. Онъ перебивалъ защитниковъ, повторялъ показанія свидѣтелей своими словами, даже подсказывалъ имъ. Барачу, Галле и Миссюнасу было разрѣшено послѣ перваго допроса ихъ находиться, гдѣ они пожелаютъ, не смотря на заявленіе защитой желанія поставить ихъ впослѣдствіи на очную ставку съ другими свидѣтелями.

Всякія предложенія защиты: осмотръ мѣстности, оглашеніе свидѣтельствъ о болѣзни, писемъ, производство опытовъ были тотчасъ-же отвергаемы. Предводитель дворянства Шлиссельбургскаго уѣзда, Ильинъ, находившійся въ числѣ 3-хъ сословныхъ представителей (на 4 коронныхъ судьи) и принадлежащій, повидимому, къ тѣмъ, по выраженію Салтыкова, „восторженнымъ кобелямъ“, которые, задравъ хвостъ кверху, стараются забѣжать впереди хояевъ, такъ освоился съ требуемой отъ него ролью, что совершенно откровенно заявилъ на всю залу во время допроса защитой одного изъ свидѣтелей: „будетъ, надоѣло!“ Необыкновенно хорошъ былъ также обвинитель, товарищъ прокурора, Бомъ: не смотря на то, что все время засѣданія онъ ревностно помогалъ Дейтриху въ сокрытіи истины, давая свои заключенія, онъ въ своей рѣчи съ совершеннымъ безстыдствомъ утверждалъ, что защита не представила документовъ для подтвержденія выставленныхъ ею фактовъ избіенія, а свидѣтелямъ ея нельзя вѣрить, такъ какъ они взяты изъ рабочей среды и слѣдовательно явля-

ются естественными защитниками своихъ товарищей. Онъ забылъ только, что и сыщики всегда были дружны съ полиціей и что другихъ свидѣтелей обвиненіе не выставило. Онъ даже не вѣрилъ, что въ нагайкахъ были пульки: вѣдь избитые не давали эти нагайки изслѣдовать экспертамъ.

Таково присутствіе духа нашихъ судебныхъ чиновниковъ! Намъ не хочется долѣе останавливаться на этой позорной комедіи. Результаты ея таковы: оправдано 4, 4 женщины приговорены къ 3-мъ недѣлямъ ареста, 1—къ 8 мѣс. и 6—къ 1 году тюрьмы. Сравнительная мягкость приговора объясняется той массой нарушеній, которыя допустила палата и которыя даже въ Россіи вѣроятно приведутъ къ кассаціи приговора сенатомъ. Послѣ приговора Дейтрихъ съ чрезвычайной любезностью бесѣдовалъ съ защитниками, доказывая имъ чрезмѣрную мягкость приговора и ненужность обжалованія его. Онъ сдѣлался вдругъ мягокъ, какъ воскъ, и совсѣмъ забылъ свое прокурорское поведеніе на судѣ. Но это еще не конецъ траги-комедіи. Сейчасъ-же послѣ суда начались доносы Барача и высылка свидѣтелей защиты. Доносы не миновали даже фабричную инспекцію, нѣкоторые члены которой были вызываемы въ охранное отдѣленіе. Впрочемъ, нѣкоторые изъ фабричныхъ инспекторовъ (напримѣръ замѣняющій старшаго фабричнаго инспектора, Лебедевъ) охотно идутъ рука объ руку съ охраннымъ отдѣленіемъ.

Въ нашемъ разпоряженіи находятся интересные факты этого рода. Но о нихъ позже.

Крестьянинъ московской губерніи, запасной рядовой N. N. имѣетъ „крестьянство“. Управляетъ имъ старшій братъ. Имѣютъ полный надѣлъ, но въ отдаленіи; за 7 верстъ луговая земля и лѣсная; за 9 верстъ, 11 и 25 верстъ далеко и болотная. Если сухой годъ, то получаютъ немного, а то все пропадаетъ — украдутъ ближнія къ нимъ деревни. Скотину гонять нельзя. Полевая земля даетъ совсѣмъ мало: посѣютъ 10 мѣръ — возьмутъ 25 мѣръ. Податей платятъ за 4 души 28 и 29 рублей въ годъ.

Занимается большая часть крестьянъ ткацкимъ дѣломъ. Много у насъ „кустарныхъ фабрикантовъ“: даютъ свою основу и утокъ на домъ. За работу платятъ очень дешево: тикъ — 90 коп., нанка — 80 коп., сарпинка — 55 копеекъ. Работаемъ 5 дней кусокъ. Хлѣбъ надо купить, кашу и на всѣ домашнія потребности денегъ не хватаетъ.

Отецъ былъ старъ, семейство большое и вздумали они меня отправить на заработки. Конечно, когда семьи не было, у меня хватало и имъ послать, а теперь имѣю 3 дѣтей. Зарабатываю 21 или 22 руб. въ мѣсяцъ и же по 20 руб. При мнѣ двое дѣтей, а третій воспитывается въ деревнѣ; посылаю за него 40 рублей въ годъ. Здѣсь имѣю няньку, плачу 8 руб. 50 коп., за молоко 1 руб. 50 коп., за квартиру 4 руб. 50 коп., за харчи 18 руб. въ мѣсяцъ. Въ домъ посылаю; крестьянство требуетъ на расходы 50 руб. въ годъ. А еще есть недоимки 72-го и 73-го года; теперь съ меня требуютъ, а иначе паспорта не выдаютъ. Одѣяніе, обувь — все требуется для семейства.